

The background of the cover is a detailed watercolor illustration. It features several large, vibrant orange and red poppies in various stages of bloom, from buds to fully open flowers. Interspersed among the flowers are green stems with small, feathery leaves. In the bottom left corner, a colorful butterfly with black, orange, and blue wings is depicted. The overall style is soft and artistic, with a focus on natural elements.

«РАВНОДУШИЕ
УБИВАЕТ»

18+

*Тем, кто
не дошел
до дома*

СЛАВА КРАСИНА

Слава Красина

Тем, кто не дошел до дома

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69817138
ISBN 978-5-04-193624-2

Аннотация

Ему семнадцать. Его выставляют из дома – нечем кормить, а он уже взрослый. Ей шестнадцать. Ее родители на грани развода из-за психического расстройства матери.

Двое, Мальчик и Девочка девяностных, лучшие друзья, единственные друг у друга, встали на путь взросления в непростое для всей страны время. Оба находят пристанище в компании людей таких же, как они, молодых, но уже погрязших во всех пороках мира – без ограничений, законов, правил и тормозов. В этом мире можно быть кем угодно, если есть героин. Впрочем, Девочке и Мальчику заданы разные векторы движения: ей – жить и выбраться из мрака, ему – повторить путь многих сверстников.

Была ли у них свобода выбора? Какова ее цена?

Девяностые годы. Крах идеологии, хроническое безденежье, уныние, безысходность, бандитизм – новые реалии эпохи перемен, коснувшиеся каждого жителя. Самыми незащитными и потерянными в этот период оказываются подростки: уже достаточно взрослые, чтобы не мешаться у родителей под

ногами и полноценно совершать собственные ошибки, и в тоже время все еще дети, страдающие от отсутствия внимания и родительской любви. Это роман-эпитафия – тем, кто не смог пройти по дороге взросления, кто стал представителем потерянного поколения подростков 90-х, умерших от наркомании, вседозволенности, беззакония и разрухи того лихого времени. Прекрасное образование, лучшие школы страны, уникальная интеллигентская среда научного городка не помогают сделать правильный выбор в жизни, ведь этого мало, нужно нечто большее. Нужно, чтобы кому-то было не плевать на тебя.

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Часть первая	6
Шокер и Краш	10
Самый первый	27
День рождения	33
Новый год	49
Не тот	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Слава Красина

Тем, кто не дошел до дома

*Посвящается моим друзьям, которых я помню
иногда лучше, чем они сами себя.*

*С огромной благодарностью о. Владимиру,
который делает великое дело.*

Часть первая

Мальчик и Девочка

На смежных балконах на большой высоте, там, где стрижи крыльями чертят в небе ломаные линии, куда не долетают комары, где с одной стороны стоит старое кресло, обитое бордовым плюшем, на котором лежит длинноногая рыжая борзая, а с другой стороны – пустота только что сданной в аренду квартиры, спиной к спине, разделенные бетонной панелью на разные подъезды, сидят двое. Мальчик 17 лет и Девочка 16. Он поет под гитару песни своего сочинения, которые в голос можно только самому себе в безопасном беззвучии крошечной комнаты. Поет достаточно тихо, чтобы не услышала сестра и не подняла на смех, высокомерно сморщив хорошенький носик, но и достаточно громко, чтобы точно быть услышанным странной Девочкой, удивительной гостьей с надкусанным яблоком в руке, позвонившей в их квартиру спустя пару дней после переезда и с невозмутимым видом попросившей у родителей разрешение перелезть с их балкона на свой. На резонный вопрос мамы «зачем?» гостья ответила, что она ушла из дома без ключей, а изнутри никто не открывает, померли они там, что ли, все скопом? Пока мама с отчимом соображали, разрешать или нет что-то подобное, Девочка уже уверенным

шагом проследовала к балкону и через секунду была на своей стороне – никто толком и опомниться не успел. Сестра ошарашенно pokrutila пальцем у виска, мама упала в обморок на руки отчиму, Мальчик ничего не понял, но забыть происшествие не смог и думал о нём весь вечер. Девочка же унесла с чужого балкона на свой странное чувство, что случилось что-то гораздо более важное, чем просто возвращение домой нетривиальным, но вполне привычным уже способом.

Мальчика звали только по имени. Клички у него не было, сам он себе, конечно, неоднократно придумывал, но они не приживались. По меркам его друзей он был приличный, невысокий, умный, его уважали, но ничего с ним серьезно не мутили, потому что он не вписывался в общую картину. С ним здоровались за руку, с радостью тусовались, шутили, но держали дистанцию, потому что не понимали, что он такое и можно ли ему доверять. Он ни разу ни в чем, кроме чемпионатов по информатике, не был замечен, не доводил преподавателей, не курил, не ругался матом, после учебы шёл домой и много читал – короче, типичный ботаник, вполне вероятно, латентный неформал, только не носивший длинных волос, балахонов и мешковатых джинсов. Слишком аккуратно подстриженный и чистый, домашний. Ему до сих пор не разбили лицо для проверки на вшивость лишь потому, что его сестра была невероятно хороша собой, слишком крута и остра на язык, дружила с самыми

здоровыми пацанами района, а у остальных вызывала приступ неконтролируемой эрекции и робости. Короче, он был вне закона и понятий.

Девочка на другой стороне балкона вообще была одиночкой. Она едва выглядела на 13, маленькая, худенькая, с остреньким личиком и огромными серыми глазами, с непокорным ершиком коротких волос на голове, свисающих справа до плеча и покрашенных в темно-синий цвет, с едва оформившейся припухлостью в районе груди и ещё не округлившимися бёдрами. В 10-м классе она смотрелась смешно на фоне развитых, налитых соком одноклассниц. У неё не было парня, она легко сходилась со всеми, но интересы ровесников обычно с её не совпадали: по клубам она не ездила, по псу не слушала, то, что она читала, вызывало удивление даже у большинства взрослых, гуляла с двумя неуправляемыми борзыми, ходила в горы и обожала лошадей. Подруг на тот момент у неё было несколько, но настоящей нельзя было назвать ни одну.

Может быть, поэтому, а может, и потому, что не надо далеко ходить, Мальчик и Девочка очень быстро стали всё свободное время проводить вместе. Он играл ей свои самые сокровенные песни, присылал на почту фантастические рассказы собственного сочинения, травил байки про колледж и отбитых панков, с которыми он «типа дружит», про сестру и её шашни с гоповатыми тупыми амбалами. Она жадно слушала, погружаясь в новый, пока неве-

домый ей мир подростков. Сосед стал ей самым дорогим, самым лучшим другом, тем, кому можно рассказать всё на свете, кто никогда не предаст, не бросит. Ближе родного младшего брата. Ближе любой подруги. Ближе родителей. Ближе всех на свете.

Она слушает его песню, тихо улыбается, ей впервые в жизни тепло и не одиноко.

С этого всё началось. С песни на балконе.

Шокер и Краш

Урок физики вызывает у меня смесь стыда, отчаяния и пофигизма. Я разочаровала папу просьбой объяснить мне элементарную задачу про брусок, съезжающий по наклонной поверхности. Папа, кандидат наук, победитель все-союзных олимпиад по физике, химии и астрономии, задачу объяснил, но при этом вздохнул и бросил в меня с грустью: «Не секущая». Поэтому я силюсь понять, что же там на доске происходит, надо же папу переубедить и сдать эту чертову физику через пару недель на отлично, получив то же самое за год. Самой мне на физику глубоко плевать, потому как истинную страсть я питаю к литературе, философии, русскому и в особенности к английскому языку. В это время учительница, Катюша, как её называют в глаза и за глаза, отвлеклась от объяснения темы и подошла к предпоследней парте, за которой сидит отличница Гульнара и яростно что-то рисует прямо на её поверхности. На дворе нищие 90-е, в классе физики стоят новенькие бежевые парты, которые директор купил, сдав в аренду школьный каток под парковку, школьный подвал под сауну, а школьную столовку в выходные для проведения банкетов. Короче, парты эти были манной небесной, и даже самому конченому дебилу было ясно, что рисовать на них нельзя. В смысле НЕЛЬЗЯ. Гуля дебилкой не была, но, видимо, у неё на время совершенно отключился мозг. И вот

стоит Катюша над ней и смотрит, как та уродует ручкой уже кем-то до неё испорченную гладь. Там уже красуется огромный синий череп, нарисованный до того анатомически правильно и скрупулезно, что при желании можно выделить и подписать все двадцать три кости, его образующие. Гуля же пишет послание автору, в котором объясняет, насколько он не прав, испортив парту. Беру назад свои слова про дебилность.

Урок сорван сиреной Катюши, орущей на любимицу.

Срочно из старшего 11-го класса был вызван автор черепа, который на всю школу один такой художественно одаренный, тут никакой Шерлок Холмс не нужен, а также директор, классуха автора черепа, наша классуха и завуч, Каверина Любовь Васильевна, чтоб горела она в аду до скончания века.

Досталось всем.

Гульнара ревет.

Шокеру пофиг. Ну, то есть ему не просто пофиг, ему совершенно безразлично. Он крайне вежливо, спокойно, с усмешкой отвечает на вопросы, зачем нарисовал и как вообще додумался. Говорит, не смог удержаться при виде девственницы. Гульнара становится пунцовой, Катюша и классухи покрываются пятнами, директор перестает походить на черта, и в уголках его глаз появляются озорные морщинки. Каверина Любовь Васильевна и бровью не ведет, 40 лет стажа вот с такими вот имбецилами, эка невидаль. Художни-

ков отправляют писать объяснительные. Я впервые открываю для себя Шокера. Наглый, с точеным профилем, несомненно, красивый, таинственный, в гробу видал Каверину, ещё и на год старше.

На перемене Гуля делится со мной своим негодованием и планом мести:

– Я знаю, где этот урод живет, я ему весь подъезд испишу!

– Совсем сдурела? Это же вандализм. Фиг с ней, с партой, но стены-то все видят!

– Да и пофиг! – Гуля вне себя от ярости, у неё теперь выговор в личном деле, она толком сама не понимает, что на неё нашло с этой партией, её распирает от злости и обиды.

Она безвозвратно, раз и навсегда запала на Шокера. Потом она будет тайком писать его кличку маркером на стенах, ходить под его окнами, чувствуя, как сердце заходится от адреналина при мысли, что он может её заметить, мечтать о нём ночами, хотеть его, следить за ним и злиться на себя, на него, ненавидеть и плакать, зная, что он никогда не то что не посмотрит в её сторону, не захочет её, даже если она будет последней женщиной на планете. Шокер слишком хорош для неё.

Весь мир называет это несправедливостью. Я называю это адекватной самооценкой.

Шокер – бунтарь, панк, носит в школу бандану с черепами и срать хотел на то, что неформалов в школе пятеро, а все остальные – гопота, причем, как обычно среди гопников,

задел одного – нарвался на весь район. То есть срать он хотел вообще на всё: на то, что его запросто могут избить до смерти только потому, что он есть, на то, что даже за его бандану Каверина может выгнать из школы в любой миг. Год он провоцирует всех, про него ползут всевозможные слухи, а мы строим теории и догадки, почему его никак не выгонят. Может, глубоко в самых потаенных закоулках каверинского сердца он вызывает липкую томную ностальгию комсомолки, медалистки и страшной жабы по красивому хулигану? Может быть. А может, его родители носят ей золотые цепочки и доллары в конвертиках, чтобы она дала их сыну получить свой троечный аттестат. Мне то неизвестно. Меня как магнитом тянет ко всему, что с Шокером связано. У меня ведь нет адекватной самооценки, у меня её вообще ещё нет, поскольку я не рассматриваю вариант отношений с противоположным полом в принципе, мне интересен феномен: человек, расшатывающий систему. Я фотографирую его многочисленные рисунки на стенах подъездов, пользуясь маниакальной страстью Гульнарки к преследованию своего врага и кумира, конспектирую его переписки на стене за шкафом в классе физики и на партах, радуясь тому, что Гулю заставили отмыть все надписи со всех парт во всех классах, где у нас есть занятия. Короче, пытаюсь понять, зачем он это делает: ради эпатажа или из принципа?

Оказалось, принципов у Шокера не больше, чем у дождевого червя.

Для принципов нужно иметь мозг хотя бы в зачаточном состоянии. Если ты научился язвить, это ещё не значит, что научился думать.

Год заканчивается очередным скандалом: перед самым выпуском под поезд бросается одноклассник Шокера, тихий волосатый парнишка по кличке Кот. В предсмертной записке было две колонки, в одной из которых причины, почему стоит жить, а в другой – почему не стоит. В колонке с плюсами жизни – пять причин, в колонке с минусами – почти двадцать, и написано и про школьную систему, и про их классную, и про директора, и про Каверину, и про Шокера, который с радостью пичкал Кота суицидальными идеями и всячески возвращал в нём подобные наклонности, и про их совокупный вклад в решение выбрать поезд в качестве будущего. У 11-го класса истерика, траур, последний звонок звенит приглушенно, выпускной отменяют.

Лето пролетело невероятно чудесно. Родители Девочки взяли её, брата и Мальчика с сестрой в горы. Они жили вчетвером десять дней в одной палатке, играли в карты в дождливые дни, ругались, чья очередь мыть посуду в ледяной реке, ночью жгли костер и рассказывали страшилки, а потом жались друг к другу в спальниках до рассвета, потому что страшно было заснуть, зная, что от горных духов и медведей тебя отделяет только шуришащая на ветру ткань, сбивали ноги в кровь, визжали, купаясь в горных ручьях, объедались дикой малиной, набирали полные карманы

смолистых кедровых шишек, делились сухими носками, рисовали друг другу ручкой татуировки и ссорились из-за добавки лапши с тушёной. Потом ехали 900 км как селетки в бочке попеременно с рюкзаками на заднем сиденье в старенькой ржавенькой «тройке», изнывая от нехватки места для ног и боясь окончательно сломаться, так и не доехав до дома.

Лето кончилось 31 августа на переключке нашего 11-го класса. Все пришли со своими историями, радостные, соскучившиеся, загорелые – все были счастливы тому, что начинается привычная школьная жизнь, заканчивается отпускной вакуум, наконец-то растащенные по углам дач, лагерей и деревень подростки опять собьются в стайки и стаи и будут жить свою невероятно захватывающую и абсолютно новую жизнь, которую ещё никто до них не жил!

– Я в горах была, – хвастаюсь неохотно, зная, что никто, кроме меня, спортивным туризмом не увлекается, дальше области редко уезжает и уж тем более не знает, что такое вечером после маршрута снять с плеч рюкзак, а с ног – ботинки. Опыт, которым невозможно поделиться, его можно только самому пережить, а рассказывать о нём глупо, да никто и слушать не будет.

– А я в лагере, мы снимали фильм! Настоящий! Я была ассистентом осветителя, нам надо было бегать с во-от такими осветительными приборами, иногда даже в речке с ними стоять, а они, между прочим, к электросети подключены!

Гуля прыгает в восторге, как козочка. Она за лето набрала добрых 20 кг, у неё над верхней губой и над переносицей чернеют волосы, которых раньше не было, и вообще выглядит она совершенно по-другому: уже не девочка-подросток, ещё не баба, но уже понятно, что стадия молодой женщины пролетит над ней как фанера над Парижем и что пока она этого совершенно не осознает.

– Я была в Болгарии с родителями, – говорит первая красавица и умница класса Ева. Все замолкают, придавленные острым чувством зависти. Зависть – это то, что сопровождает Еву все десять лет школы, что душит одноклассниц, что доводит до белого каления одноклассников, когда к Еве подкатывают не они, и та, совершенно не умея пока отказывать, принимает ухаживания. Ева хороша собой, умна, обеспечена, у неё прекрасные родители, которые не отмахиваются от неё и не пропадают безвылазно на работе. Кому-то дано всё и разом, а кому-то ничего. Приступ классной рефлексии прерывается внезапным появлением на школьном дворе Шоке-ра в компании кого-то нового, доселе невиданного. По всей площадке, по всем классам и учителям проходит шорох, как будто с одной стороны толпы вдохнули, а с другой выдохнули. Все смотрят как идиоты с разинутым ртом на две фигуры. Обе в черных балахонах до пят с капюшонами, лица под маской из белого грима с черным вокруг глаз и рта и с черными же перевернутыми крестами на лбу. Шокер похож на смазливую смерть, усмехается уголками рта, кайфуя от

произведенного эффекта. Провокация удалась, а самое приятное то, что она будет совершенно безнаказанной, так как свой аттестат он получил ещё в июне, равно как и его спутник. Спутника зовут Краш. Он немного пониже и помельче рослого Шокера, но зато весь как на пружинках, активный, прыгучий, громкий, отвоёвывающий свою часть внимания деятельным самовыражением. На его лице тот же грим, а приперся он в чужую школу просто из любви к позёрству.

Я смотрю зачарованно, во все глаза. Для меня это не просто разрыв шаблона, это вызов, это громкий клич, зовущий на другую сторону реальности, которому я не в состоянии противиться.

Гуля видимо накаляется, сейчас от неё пойдёт пар, произойдет самовозгорание, огонь превратится в плазму, плазма разогреется до десятков тысяч градусов, запустится термоядерная реакция, и она превратится в сверхновую, которая взорвется, станет черной дырой и засосет всех нас на тот свет.

Учителя отходят потихоньку от шока и прикидывают, что это зрелище нужно игнорировать, потому что будет грандиознейшее шоу, попробуй они прогнать придурков, и что именно на это те и рассчитывают. Постояв немного с одноклассниками, мы трое: я, примагниченная к невиданному зрелищу, Ева, уставшая от толпы обычных ухажёров с их скабрёзностями и неумелыми заигрываниями, и Гуля, не понимающая толком, чего её так бомбит, потихоньку сократи-

ли дистанцию с черными балахонами. Гуля и Шокер, ненавидевший девушку с момента школьной разборки из-за черепа, тут же сцепились языками, поливая друг друга грязью. Тут Шокер замечает Еву. Всё, вражина ему больше совершенно не интересна.

– А вообще-то у меня сегодня день рождения, – заявляет он как будто в никуда абсолютно миролюбиво, – да вот беда, утро раннее, гости придут только вечером, меня совершенно некому поздравить. А не позвать ли нам девчонок в гости? Пойдёте?

Угадайте, что ответят три девочки-школьницы образцового поведения и послушания двум отморозенным юношам с самой дерьмовой репутацией в районе?

– Пойдём.

И мы пошли. По дороге ничего особенного не происходило, Краш с Шокером что-то между собой тихонько обсуждали. Мы же шли на негнущихся ногах. По-настоящему в панике, что мы согласились, обзывая себя дурами, каждую секунду настойчиво уговаривая себя повернуть назад, но упрямо шагая вперед. Дошли до подъезда, остановились, парни постояли немного, посмеялись, решив, что всё, дальше нам не хватит духу, и пошли в подъезд. Минут через десять оба появились на балконе второго этажа у нас над головой с сигаретами, чисто умытые, в летних майках и джинсах. Стоят, курят, поплевывают вниз, посмеиваются.

– Ну что, крокодилище, ты можешь валить на все четы-

ре стороны! Иди хоть монобровь сбрей, а то меня стошнит
пряма тут, – небрежно кидает Шокер, сдабривая оскорбление
смачным харчком. – Рыжая, поднимайся, мне есть что тебе
показать! У меня тут друг один... – закатываются смехом,
толкают друг друга локтями. – Да не бойся ты, я ничего та-
кого с тобой не сделаю, ну, может на гитаре тебе сыграю,
хочешь серенаду? Лу-у-у-уч солнца золото-о-ого тьмы-ы-ы
скрыла пелена-а-а-а!!

Гуля стоит как вкопанная. Уйти сейчас – это всё, смерть,
она будет тут до завтра стоять. Надо что-то делать! Увести
её. Самый удачный момент сбежать самой, но мои ноги про-
должают стоять. Ева, лукаво улыбаясь, смотрит на балкон.
Совсем спятила, что ли?! Не вздумай даже думать об этом!
Мы уводим Гульку домой прямо сейчас! Я говорю это внут-
ри себя так громко, удивляясь тому факту, что рот мой при
этом молчит. Беру под руку пятнисто-пунцовую подругу, у
которой от обиды тоже связки, похоже, прихватило, тяну её
в сторону. И тут вижу, как Ева делает шаг к дому и говорит:
– Я поднимусь, если ты прямо сейчас бросишь курить!
– А ты поднимись и отними!

Ну всё, началась дурацкая детская игра «догони и отни-
ми», в неё играют первоклашки на переменах, а не девки с
титьками и парни с усами. Но это, похоже, наш теперешний
уровень, по крайней мере Евы и Шокера. Тут я понимаю, что
она рано или поздно войдёт в подъезд. Бросаю Гулю, этой-
то, кроме потери чувства собственного достоинства, ничего

не грозит, никаких физических последствий. Подхожу к Еве, шиплю на неё, как гусь, «ты ШШШТООО?!». Та отмахивается от меня, делая ещё шаг к дому.

Пацаны наверху покатываются от этой сцены, галдят, что да она сама хочет, отпусти её и иди отсюда давай! Но тут Краш, поразмыслив секунду, говорит: «Нет, а мне тогда кого, ты тоже поднимайся».

Знаете, что должно происходить в голове нормального человека в этот момент?

Вот именно.

Развернулись все трое и ушли.

Что происходит у меня в голове от этих слов?

У меня земля уходит из-под ног, сердце делает стремительный вираж в пятки – к горлу – назад в пятки, адреналин в висках стучит, и чёрта с два я теперь отсюда уйду. Разве что наверх, на второй этаж. Мне абсолютно по барабану, что это может быть не совсем правильно, опасно, глупо, недостойно, аморально и пр. Мне теперь надо подняться туда, потому что никто из сверстников никогда не видел во мне девушку, не говорил со мной в пошловатом ключе, никогда не предлагал ничего предосудительного или опасного. И даже в самом смелом эротическом сне этого не делали парни, только что сходявшие на переключку школы в гриме смерти и черном балахоне.

Дурочки с переулочка. Только вперёд.

Мы дружно заходим с Евой в подъезд. Гуля понимает это

как предательство, всхлипывает и медленно с достоинством уходит прочь. Потом она с нами несколько дней вообще не разговаривает.

Мы поднялись на этаж, подошли к двери квартиры, позвонить не успели – нас, конечно же, ждали.

– Заходите, разувайтесь, – проводят в зал, в тот самый, где открыт выход на балкон. Мы не находим ничего умнее, чем пойти постоять на свежем воздухе. Краш крутится вокруг нас, смешно перебрасывая из руки в руку пачку сигарет, игра же продолжается! Ева пытается выхватить, с десятого раза у неё получается, она высыпает содержимое пачки вниз с балкона, пачка мнётся и летит туда же. Краш разочарованно и обиженно кричит другу, что всё, откурились на сегодня, может, хоть одна уцелела? Сейчас же мелкие растащат! И как был в носках, так и полез с балкона вниз по ограждению, потом по кованой соседской решётке над балконом первого этажа и вниз на отмостку, искать выжившие сиги. Шокер пока накрывает в зале стол из табуретки, бутылки водки и стопок. Краш возвращается через незапертую входную дверь и молча садится на пол перебирать помятые сигареты в поисках целых.

– Водку будете?

Молчим.

Шокер наливает четыре стопки.

– Вы хоть раз пили до этого?

Мотаем молча головой.

– Смотрите и учитесь! За мой треклятый день рождения, который на ещё один год приближает меня к 33-летию, когда я добровольно прыгну с крыши, дабы не продолжать этот фарс! – он делает громкое «Ху!», опрокидывает водку себе в рот и ставит пустую стопку на табурет.

Мы переглядываемся с Евой и выпиваем свой первый в жизни стопарь.

Дыхание перехватывает. Обжигает горло. Глаза наполняются слезами. Но я делаю усилие, чтобы не показать, что мне сейчас выжжет все кишки. Ставлю стопку на табуретку и вопросительно гляжу на парней. Ева в точности повторяет мои действия, а они смотрят на нас в недоумении: они думали, сейчас будет очередная порция здорового смеха над двумя пионерками, впервые попробовавшими водки.

Обломитесь!

Идёт второй круг, третий, четвёртый.

Никто ничего не говорит, парни молча наливают, когда убеждаются, что нам не слабо и мы не пасуем, выпивают сами и наполняют стопки по новой. Бутылка заканчивается.

Меня водка не берет от слова «совсем». Конечно, во мне столько адреналина, что, осуши я одна эту бутылку, эффекта бы не было, ну разве что проблевалась бы потом. Я жду, что будет дальше. Шокер берёт Еву за руку и уводит в свою комнату. Мы с Крашем остаемся наедине.

Я прекрасно понимаю, что сейчас там в комнате будет происходить. Я прекрасно понимаю, что может произойти

здесь, в этой комнате, со мной. Парень, сидевший напротив, подсаживается ближе на полу, обнимает меня за талию, пересаживает на диван и начинает говорить, что ну ты же сама хочешь, сама сюда шла, давай по-быстрому. Я молча смотрю на него, как кролик на удава, но мне почему-то совсем не страшно, не противно, мне даже не странно. Потому что это всё нереально. Это не может происходить со мной в принципе, это сон какой-то, я сейчас его остановлю, как учил Карлос Кастанеда в своих сновидческих практиках, и посмотрю другой какой-нибудь. Но я не уверена, что другой сон будет интереснее, поэтому лучше остаться в этом и не облажаться. Я смотрю в упор в глаза парня, пытаюсь найти изъяны в ткани сна, логические разрывы повествования. Тот оторопел и не понимает моей реакции. Я не испугалась, не отталкиваю его, не ломаюсь, не реву, но и не выражаю согласия и готовности заняться сексом. Я выжрала только что кучу ваксы на голодный желудок, но и бровью не повела, не то что не опьянела хоть слегка.

Всё идет явно не по плану.

Я в это время понимаю, как должен развиваться мой сон так, чтобы мне было потом что вспомнить утром. Я беру его за плечи, поворачиваю спиной, кладу головой себе на колени, говорю «тсссс, тихо» и глажу нежно по волосам, по шее, по плечам. Сначала он усмехается, неуверенно поддаваясь на ласку, а потом расслабляется, закрывает глаза и так молча лежит у меня на коленях, а я глажу его по голове, как кота,

рассматриваю юное скуластое лицо, замечаю, что у него такой красивый четкий уголок нижней челюсти, идущий от уха к подбородку, и что черты лица неправильные, но гармоничные. На меня накатывает нежность, я тоже закрываю глаза. Я в этот момент больше всего на свете желаю, чтобы этот самый невероятный, необычный парень был моим. Я так сильно этого хочу, что вспоминаю все самые идиотские способы заставить желание сбыться, обещая себе все их проверить на практике. Так мы и сидим, закрыв глаза и растекаясь в нежности друг к другу.

В соседней комнате слышна возня, потом выходит взломаченная Ева в перекошенной блузке и помятой юбке, недовольный Шокер: ничего у них не вышло, она не дала, он поуламывал-поуламывал, да и отстал – не насиловать же её в самом деле! Кинул ей обиженно «че же ты тогда сюда припёрлась?» и отпустил. Девушка тут же кинулась к двери, наспех обулась и бегом умчалась домой. Неудачливый любовник захлопнул в сердцах за ней дверь и пошел по направлению к залу. Через маленький темный коридорчик прекрасно было видно и диван, и нас с Крашем. Зрелище его поразило до глубины души, он ничего подобного увидеть не ожидал. Он ожидал что угодно – от истерики и драки до разнузданного секса, но только не это.

Он тихо зашел, осторожно сел на ручку дивана, посидел немного молча, собираясь с мыслями, а потом встал и пошёл курить на балкон. Краш открыл глаза, нехотя стряхнул с се-

бя наваждение, аккуратно поднял голову и поцеловал меня в щёку. Потом встал, взял за руку, и мы пошли за Шокером, Краш выудил две мятые сигареты, одну отдал другу, чиркнул зажигалкой. Парни курили молча. Я стояла в балконном проеме и никак не могла поверить, что это не сон.

Они оба проводили меня до дома.

Вечером на балконе Девочка рассказывала Мальчику историю про то, что иногда драконы побеждаются совсем не рыцарями в сияющих доспехах, а нежной женской рукой. Что настоящая принцесса за долгие годы заточения в башне в одиночестве разучивает миллионы заговоров, приворотов, колыбельных песен и сказок на случай, если нужно будет. А то, что будет нужно, она знает точно. И что настоящую принцессу не берет ни водка, ни самогон, ни даже чистый спирт. На это заявление Мальчик усмехается и отвечает, что про спирт это она загнула, что у его бабушки, потомственного врача, всегда есть полторашка на случай чрезвычайной ситуации и что можно проверить этой полторашкой настоящесть любой залётной принцессы, например, на его дне рождения, который в декабре, кстати, она приглашена, можешь начинать готовиться. Девочка обещает обязательно прийти, прощается и уходит в квартиру, а Мальчик долго ещё сидит на балконе, прижавшись к панельной плите спиной, которая прорастает в неё, бетон тает от её тепла, течёт ему на плечи, всё ниже и ниже

под майку, обтекает вокруг и вдруг мгновенно застывает, сжав грудную клетку в тиски, ни вдохнуть, ни выдохнуть. Он хватает ртом воздух, зовёт на помощь, но получается только сдавленный хрип. Так он и сидит, вросший по пояс в стену до утра.

А утром в школе после классного часа у двери нашего кабинета стоит Краш, говорит «привет», берёт меня за руку, и мы идем гулять.

Самый первый

Это событие в классе производит эффект разорвавшейся бомбы.

До моего выхода из-за печки основными и единственными нюсмейкерами любовного фронта были Петя с Асей. Петя, мой сосед по парте, редкостный раздолбай, абсолютно очаровательный, добродушный, но при этом в пацанской среде чуть ли не самый авторитетный представитель местной братвы на всех стрелках, сын ректора коммерческого вуза, которых в 90-е наплодилось как опарышей на помойке, и Ася – девочка из не самой благополучной семьи с репутацией первой шалавы района. А какая ещё у неё могла быть репутация, если она с первых же секунд заплучила Петю, о котором мечтали все девочки всей параллели старших классов? Даже то, что Ася неплохо училась, занималась спортом и встречалась до этого с одним-единственным парнем, не спасало положения – она продолжала оставаться самым худшим из возможных вариантов. К концу 10-го класса у Аси случилась внематочная беременность, давшая о себе знать посреди ночи на вписке во время одной из вечеринок, которые местная пацанва устраивала всякий раз, когда чьи-нибудь родители не ночевали дома. Петя, перепуганный до смерти, нёс орущую от боли Асю на руках до самой больницы, так и не сумев поймать попутку. Асе перевязали трубу,

она возненавидела Петю за всю эту историю и послала его подальше. Петя сначала запил, потом попытался начать колоться, потом понял, что ничем не унять его боль и тоску, и начал добиваться Аси заново. Он бродил у неё под окнами, он без остановки звонил, он жил в подъезде у Аси, заваливал её цветами, плюшевыми медведями и золотыми побрякушками, и та в итоге сдалась. Не помог даже воинственный настрой разругавшихся друг с другом в пух и прах родителей, перевод Аси в соседнюю школу, строгий комендантский час у обоих и перерезанные провода телефонов. После выпускного бала они поженились.

Одноклассники жили этими шекспировскими страстями, занимали стороны конфликта, неоднократно пытались влезть третьим в эту пару (особенно девочки) и все тайно мечтали о чем-то подобном. Ну хоть разочек!

И тут на тебе!

Что называется, не ждали. Почему и как?! Почему она?! Кто этот парень, а, это тот, что с Шокером, что ли, был на перекличке в гриме? А он кто вообще, откуда взялся?

Но больше всего вопросов было у Евы и у Гульнары, которые держались долго и сурово отворачивались от меня, но в итоге любопытство как острый консервный нож вскрыло такую надежную металлическую банку обиды. Они поймали меня после уроков на первом этаже, сидящую на подоконнике, и насели с допросом, что там произошло в тот день?

Я как истинный партизан сказала, что ничего особенного.

Девчонки от негодования аж зашлись. Ева была уверена, что у нас с Крашем был секс, потому что она тогда ушла одна из квартиры, и ничего другого там быть просто не могло. А может, и не только с Крашем, а с обоими. Гуля же добавила, что вся соль в том, почему на этом история не закончилась, а я совершенно не похожа на жертву изнасилования. Значит, мне понравилось. РАССКАЗЫВАТЬ БУДЕШЬ ИЛИ НЕТ?!

От ответа на вопрос меня спас Краш. Собственно, его я и ждала, сидя на первом этаже. Он подошел, поздоровался, спросил, «ты идёшь или как?», перекинул через плечо мою сумку и призывно протянул руку. Мы ушли. Девочки остались.

Все, с этой секунды для меня в школе всё изменилось раз и навсегда. Я прыгнула с шестом и лечу теперь ставить новый мировой рекорд по количеству сплетен на одну отдельно взятую девочку.

Мы вышли из школы, Краш вёл себя совершенно не так, как в день нашего знакомства и не как потом на прогулке 1 сентября, где к нам тут же прилип Шокер и они оба валяли дурака всю дорогу. А спокойно, уверенно. Я спросила, как там Шокер. Оказалось, что у того есть девушка, что у неё погоняло Чушь, что она сначала устроила ему скандал прямо на дне рождения, а потом бросила из-за этой истории с нами. Что она узнала от Краша об этом, когда тот на балконе случайно проговорился Трупану, хотя, ну как случайно проговорился? Просто рассказывал. И что Шокер очень даже рад,

потому что сам давно хотел перестать пороть Чушь (тут он хохотнул от собственного каламбура) и подкатить свои яйца к другой чиксе.

Мы дошли до дома, постояли немного. Зашли в подъезд, поднялись на лифте на мой этаж, и уже перед самой дверью Краш притянул меня за руку ближе к себе и сказал, что в тот день с ним произошло что-то невероятное, чего он не понимает.

– Знаешь, я никогда не думал, что женские руки могут быть такими... такими... – он никак не мог подобрать нужное слово, – такими добрыми. Как будто я снова стал маленьким.

Тут он смутился окончательно и спросил:

– Можно, я тебя поцелую?

– Можно. Только я не умею по-настоящему целоваться, – призналась я совершенно спокойно и без тени стеснения. – Научишь?

Он подошёл ещё ближе, совсем вплотную ко мне, приподнял немного подбородок, чтобы наши губы были рядом, и шёпотом сказал: «Приоткрываешь рот, прижимаешься губами к моим губам и нежно касаешься своим языком моего, а я отвечаю».

Я сделала, как он сказал.

Можно написать кучу слов про то, что такое первый поцелуй. Но их всех будет мало, и они все будут слишком грубыми.

Я скажу только, что ты запоминаешь это на всю жизнь. Все свои последующие поцелуи ты будешь сравнивать с этим самым первым и этим самым волшебным, ты будешь желать его повторить, но он бывает только один раз в жизни. И это самое лучшее, что в нём есть.

Девочка пропала. Она больше не выходила на балкон, не стучалась тихонько в стену, не заглядывала через перила на его половину. Мальчик ждал её каждый день до тех пор, пока не стало совсем холодно, и мама не запретила открывать старые разохшиеся деревянные двери, а потом и вовсе не заклеила их на зиму. Мальчику стало казаться, что теперь из-за этой запертой двери, наглухо оклеенной бумажными полосами по периметру, в комнате вообще нечем дышать. Что воздух вязкий, тяжёлый, что он вреден для здоровья, что он чувствует, как клетка за клеткой отмирают его легкие. Когда становилось совсем жутко от этого ощущения, он хватал куртку и выбегал на улицу посидеть на лавочке у соседнего подъезда. Там он иногда встречал младшего брата Девочки, который рассказывал, что сестра, похоже, влюбилась, что у неё завёлся парень (он говорил так брезгливо эти слова, будто сообщал о вшах или клопах). Что она теперь полная дура и что парень этот в принципе ничего, к нему не пристаёт, в комп играть не мешает, но всё равно фу, какая гадость. После этих историй Мальчик всё реже стал выбегать подышать во двор, больше времени уде-

лгать учебе, завёл себе в колледже друзей, готовился к сессии и писал программу для курсовика. На написание рассказов и песен как-то не оставалось ни времени, ни желания.

День рождения

Краш приходил к концу уроков почти каждый день, целовал меня на глазах у всех, забирал сумку, и мы бежали вон из этих проклятых коридоров, от преследующих нас насмешек, шепотков, взглядов, от стреляющих в спину зарядов зависти. В одноклассниках произошла удивительная перемена. Меня перестали унижать и травить. Девчонки, конечно, в свой круг так и не приняли, Гуля окончательно обиделась, Ева металась между ней и мной, но потихоньку с головой ушла в учебу, а вот парни стали смотреть на меня совершенно другими глазами. Они стали со мной разговаривать на равных, звать погулять, помогать с какими-то поручениями, которые давали учителя. Петя как сосед по парте и парламентар парю раз звал в их компанию, намекая, что кое-кто из класса очень был бы рад. Дошло до того, что меня позвали на их обычную гулянку на квартире у Игната, который почему-то уже месяц живёт один вообще без взрослых. Я даже сходила. Но мне было откровенно скучно, и я переживала за Краша, нарезающего круги вокруг дома в ожидании, пока я выйду. Мужская часть класса его люто возненавидела, как будто до меня им было хоть какое-то дело, и я боялась, как бы его не избили по-тихому, пока я тут.

Большую часть времени мы с Крашем проводили или у меня дома, или у Шокера, который никуда не поступил, не

пошёл работать и просто пинал воздух по квартире целыми днями, брэнчал на гитаре и рисовал этюды, мечтая на следующий год пойти в художественное училище. Сам Краш говорил, что он поступил в универ на геологию и что даже ездит на пары. Я ему поначалу верила, но чем дальше, тем меньше, потому что не видела, чтобы он хоть что-то учил, а универ – это дело серьёзное. Вообще он много чего врал. Мы из-за этого постоянно ссорились. Единственное, о чём он вообще не врал никогда, так это о своих отношениях с отцом. Отца он любил, но находиться рядом дольше пяти минут физически не мог, у него темнело в глазах, частило сердце, он начинал порывивать и огрызаться, а заканчивалось всё жуткой сценой с матами со стороны сына и рукоприкладством со стороны отца. Он был бывшим военным, очень властным и волевым. После увольнения в запас пошел работать учителем ОБЖ в школу, где учился его сын, чтобы следить за ним и растить мужика, а не «полупидора в полукедах». Он держал весь их класс в ежовых рукавицах, мгновенно превратив сына в изгоя и «стукача», хотя тот никогда ничего отцу не докладывал, вообще всячески его избегал и старался по возможности не появляться с ним нигде одновременно, но папаша узнавал всё откуда-то из других источников. Однокурсники пробовали Краша избивать, но отец устроил им за это такой ад, что больше те попыток не делали. Ненавидели молча. От этой ненависти воздух в кабинетах, где шли уроки, можно было резать ножом. И когда наконец-то Краш окон-

чил школу и попытался вырваться из-под тотального контроля и вдохнуть полной грудью, поступив в универ, папа построил туда его маму библиотекарем. Сын, которому уже было 17 лет, больше это выносить, естественно, не мог и забил на универ болт размером со вселенную. Единственное, зачем он там появлялся, так это стырить у мамки из библиотечной кассы денег на сигареты.

С октября родители торжественно отправили меня на годовые вступительные курсы гуманитарного факультета. Ездить нужно было три раза в неделю на четыре часа, что я послушно и делала. Но Краш всё это время сидел под дверями аудитории, большую часть времени на пару с Шоке-ром или Трупаном, ещё одним членом компании, никуда не поступавшим, не поступившим и не планирующим далее учиться в принципе. Они орали идиотские песни собственного сочинения про «Я социальное зло», разрисовывали черным несмываемым маркером университетские стены, всячески мешали занятиям и вызывали во мне жгучее чувство стыда. Ясное дело, это не добавляло мне мотивации. Сначала я ушла-таки за десять минут до конца курсов, потом за полчаса, потом стала ходить только на русский, который был наиболее сложным из всех вступительных экзаменов, а потом перестала туда ходить вовсе, предпочитая в это время зависать в «Шторах» – кафешке в студгородке, где зимой собирались неформалы. На данные мне на проезд деньги мы покупали один пол-литровый пластиковый стакан мерзкого

разбодяженного пива на всех, непонятно, как и зачем тянули его все четыре часа под разговоры, песни под гитару, а домой потом шли пешком через лес, что само по себе было очень классным времяпрепровождением. Несколько раз за нами увязывалась Ева, которая тоже ездила на эти же курсы, но только на физику с математикой. Она постепенно перестала шарахаться от Шокера, который тем не менее своих попыток залезть ей под юбку до конца так и не оставил, хотя встречался с девочкой Лерой, которая запросто ему его конец за такие дела завязала бы узлом, если бы узнала. Еве тоже хотелось настоящего парня, который бы водил её за руку и целовал при всех в школе, но ей отчаянно мешала её внешность, никто не видел за ней саму Еву, а все бесконечные ухаживания бесконечных поклонников сводились к предложению пойти перепихнуться.

В один из дней, когда у меня должны были быть курсы, а мой любимый пропадал уже вторые сутки и, как мне донесли, был заперт родителями под замок с учебниками без доступа к телефону (ведь полным ходом шла зачетная неделя, мать бегала договариваться в деканате, кланялась и совала на лапу преподам, умоляла допустить её непутёвого сына до зачётов и в итоге добилась своего, а он, подлец, не ценит и ничего не собирается делать), я вспомнила, что сегодня день рождения у друга, на который я была приглашена сто лет назад, ещё в начале осени. Я не решилась идти одна и сорвала с учебки Еву. Мы купили открытку и поехали.

В этот день Мальчик проснулся гораздо раньше обычно. Он лежал в темноте зимнего утра, разглядывал неровный облупившийся потолок и пытался вспомнить что-то, что вытолкнуло его из сна, оставив после себя только тягучее непонятное чувство. Он долго пытался это чувство распознать, крутил его так и сяк, слепил из него сначала кошку, потом чашку, потом гитару, потом слова «День рождения», но ничего путного не выходило, и он в итоге бросил его в угол, прикрыв исписанной тетрадкой. Встал, оделся. Пошёл почистил зубы, взъерошил перед зеркалом волосы, оценил себя 18-летнего. Мама позвала завтракать. На кухне его ждала обычная овсяная каша на воде и без масла, хотя кухню переполнял чудесный запах, а на столе стояла тарелка с пузатенькими ровненькими пельмешками. По ним растекался нежно-жёлтенький кусочек масла, плавясь в золотую лужицу и стекая по круглым бочкам на дно тарелки. Но мясо и масло в их семье полагались только отчиму, как главе семейства, добытчику и кормильцу. Детям такая роскошь совершенно ни к чему, даже младшей сестренке, общей дочери мамы и отчима, которую вообще растили веганом. Мальчик грустно подумал, что мама могла бы хоть на день рождения поменять их с отчимом тарелки, но ничего не сказал, молча съел свою кашу, помыл за собой посуду, натянул всесезонную кожанку и ушёл в колледж.

Мы дошли до моего дома, передвигаясь задворками, за-коулками, прячась от знакомых, которые попадались на каж-

дом шагу, чтобы не спалиться, что мы не на учебе. Наконец я позвонила в дверь. Нам открыла тётя Надя, обрадовалась, что я пришла не одна, а привела ещё одну девочку. Мы сняли верхнюю одежду и обувь, куртки нам было велено сложить на кровать в спальне. Я заметила, что там уже лежит гора мужских курток и что, видимо, гости уже все в сборе. Тётя Надя проводила нас в комнату Толи, моего соседа и друга.

Мы зашли в комнату, в которой стоял гвалт из семи голосов, перекрикивавших друг друга. Мы же внесли с собой огромную и пугающую тишину. Все обернулись на нас, и мне показалось, что даже перестали дышать. Потом, набрав в легкие воздуха, загалдели с новой силой. Толя был очень удивлен, очень рад, он думал, что я забыла, а я не забыла, вот тебе от нас открытка, с днем рождения! Меня он представил сам. Еву представила я. Помимо нас на дне рождения были Хуан, Злой, Микаэль, Рентон и Тема. А ещё там был мой младший братец, который, как и я, от хронического родительского вегетарианства выглядел едва ли на 9 лет в свои 14, ростом был мал, отчаянно лопоух, прыщав и повадками напоминал стаю обдолбанных лемурув. Мы сели в уголок на диван и стали приглядываться к этой толпе. Больше всего меня беспокоил тот факт, что брат меня сдаст как стеклотару, как только порог дома пересечёт, ведь я прогуляла курсы. Сдаст просто из спортивного интереса. И чем это для меня закончится, ведомо одному богу.

Из грустной задумчивости меня вывел Хуан, парень сред-

него роста, с огромными карими глазищами, курносый носом и чеширской улыбкой. Самой же яркой чертой его внешности был красноватого цвета ирокез на гладко выбритом черепе. Он присел напротив меня на корточки и своим немного кошачьим голосом спросил, почему я грустная на дне рождения.

– Ты не представляешь, как я рад, что вы пришли! Но вы пришли, а улыбок нет, это просто непорядочно! На дне рождения нельзя сидеть мрачной!

– Я что-то пока не вижу ещё дня рождения, – выдавила я из себя, – и я не улыбаюсь 24 часа в сутки, это противоестественно.

– Да ладно? – он так растянул это «да ла-адно», так вздернул вверх интонацию, так посмотрел на остальных, что мне стало немного не по себе. Как будто он им только что передал какую-то шифровку, которую те мгновенно приняли, внесли в протокол, скрепили пудовой печатью и сунули в оцинкованный несгораемый шкаф.

– Пить будешь?

– Смотря что.

– Сегодня в нашем баре подается восхитительный коктейль «Войлочные мозги»! В состав входит водка и лимонад «Колокольчик».

Я усмехнулась. Хуан понял мою усмешку как «Да». Микаэль, русоволосый парень с вечно холодным взглядом и асимметричной улыбкой, полез куда-то под диван, извлек оттуда

полторашку лимонада и бутылку дешёвой ваксы. Всё это полилось в старенькие высокие стаканы со стертыми от частого мытья полосочками. Хуан поднёс мне моё питье, но тут Ева, до сих пор молчаливая и незаметная, решила сделать ход конём, выхватила стакан из его рук и залпом осушила его. Хуан посмотрел на неё озадаченно, сказал: «Однако!» – и отдал ей её стакан, который постигла участь первого. Я удивленно смотрела на подругу, Хуан заржал и скомандовал:

– Гусары, молчать! – и многозначительно посмотрел на остальных. Оба стакана ещё раз наполнились. Мне наконец-то достался мой. Я сделала полглотка и поставила его на компьютерный стол, на котором восседал мой братец. Стакан тут же был схвачен загребущими обезьяньими лапищами, выпит и поставлен на место. Хуан в очередной раз хмыкнул что-то типа «да вы издеваетесь, что ли?» и пошёл снова наливать. Тут я окончательно осознала, что, во-первых, мне пить нельзя ни в коем случае, иначе будет катастрофа. Во-вторых, что парни ставят несмешной эксперимент над Евой и продолжают наливать ей один за другим, а та неизменно это всё пьёт. В-третьих, что моему братцу хватило одного бокала для запаха, а дебилизма у него своего через край, и что он стал вести себя как ему и подобает, то есть окончательно превратился в зараженного бешенством бабуина. Начал он с того, что упал за стол и принялся там орать, чтобы его вытащили. На него зашикали, чтоб он заткнулся, иначе его прямо там отпиздят. Он замолчал, но ненадолго. Потом он

стал скакать по поверхности стола, по спинке дивана, по подоконнику и требовать еды. Этот возглас поддержали остальные гости, и именинник умчался на кухню проверять, что там с едой. Я безуспешно пыталась заставить его замолчать, заткнув ему рот рукой, но попытки эти были тщетны. Брат не унялся, залез опять на стол, дотянулся до стоявшей на журнальном столике водки, схватил и принялся переливать её в себя. Удивительно, как мелкому упырю это удавалось, но пока бутылку отняли, а малому навешали подзатыльников, он успел неплохо так отпить. Злой, как самый озверевший от этой выходки, открыл окно, Микаэль с Рентоном подхватили моего братца за ноги и высунули наружу. Они держали его вниз головой на вытянутых руках на высоте шестого этажа, а Злой пообещал, что, если он ещё раз хоть как-то обнаружит своё присутствие в комнате, они его выкинут. После этих слов его затащили обратно в комнату. Брат залез под компьютерный стол с абсолютно белым лицом и просидел там тихо всё оставшееся время. Всё произошло так стремительно, что я толком не успела ни испугаться за него, ни понять, серьёзна ли была та угроза или нет, но то, что подействовала она безотказно, было очевидно. Тогда мне и в голову не пришло, что они и сами были пьяные и, как потом признался Рентон, могли реально выкинуть, начни он огрызаться.

Ева как-то нехорошо накренилась на диванчике, я отобрала у неё пустой бокал. Она завозилась, завозмущалась, куда я его дела и зачем отняла, но членораздельность речи уже

была утрачена, и понять это можно было только по интонациям и взмахам рук. Я посадила её ровнее, та свесила голову на грудь и замолчала. Самый стремительный уход в полное перекрытие, что мне приходилось видеть в жизни. Скажу честно, этот рекорд никогда так и не был побит.

Господи, какое позорище!

Я окинула взглядом комнату в поисках места, куда бы сесть. В крошечной каморке стояла только Толина кровать, застеленная пледом, связанным из квадратных мотивов явно из остатков ниток, ярким, аляповатым, режущим глаз. Ещё был колченогий журнальный столик с подsunутой под хроную ногу бумажкой, на котором теперь размещался бар, и дряхленький плешивенький диванчик. На окнах висели застиранные жёлтые шторы – классика советского ширпотреба. У нас на даче такие давно ушли на пенсию и подрабатывали пляжными подстилками. От комнаты разило крайней бедностью. Самое дорогое, что в ней было, это компьютер, стоявший, как небоскрёб из стекла и бетона посреди заброшенной деревни с покосившимися избушками. Ещё был старенький стул с вытертой сидухой. Я хотела было сесть на него, но Хуан поймал мой взгляд и сам сел на этот стул, уступив мне место на диване между отключившейся Евой и Рентоном, долговязым парнем с как будто помятым лицом. Моё воображение нарисовало, как его портрет набрасывает карандашом похмельный уличный художник, а потом досадованно комкает эскиз. Парни травили какие-то шуточ-

ки, рассказывали, как Злой, рыжий как огонь и конопатый, похожий чертами, телосложением и манерами на английско-го футбольного фаната, засунул живую мышку за стекло на доске с расписанием занятий в колледже, и она там бегала, а преподавы толпились вокруг и пытались её достать. Мышка не давалась и убегала, всем было весело, в итоге ей скинули ватку с бензином, заткнули все щели, и все смотрели, как она там подышает, и всем по-прежнему было весело. Дохлую же мышку извлечь было гораздо проще, и на этом история закончилась, спасибо большое за внимание, мораль каждый додумает сам, если есть чем додумывать. Злой гордо кивнул, подтверждая свою причастность и одобрение всему сказанному. Тут пришёл Толя, велел убрать бутылки со стола и стаканы, зашла тётя Надя, внесла блюдо с салатиком, столовые приборы, тарелку с бутербродами и махонький домашний торт, уже нарезанный на кусочки. Народ быстро растащил еду по своим тарелкам, и как только Толина мама вышла, опять достал бутылки из-под стола. Пока я ела свой торт, Злой безуспешно пытался растолкать Еву. Он лупил её по щекам, бесцеремонно поднимал веки большими пальцами, в итоге выдал «Фу, бля» и в последней попытке добудиться предложил ей «Хотя бы хрюкнуть». На него замахали руками, типа, отстань ты от неё. Он ответил, что это неправильно, жрать самим торт и не предложить девушке, вы же сейчас сметете всё и никому не оставите, я вот первый и смету, после чего взял последний кусочек и засунул его себе в рот.

И тут Ева выдала какой-то нечеловеческий то ли стон, то ли трубный глас и завывала на всю комнату «МНЕ ПЛОХАААААА!».

Приехали.

Народ повскакивал со своих мест, схватили подушку, давай пытаться заткнуть ей рот, чтобы она так не орала на весь дом! Бедный Толя бледнел, заламывал руки, беспомощно бежал взад-вперед по комнате, не зная, как спасти положение. Для него перепившая в присутствии мамы девица, орущая дурниной, была равносильна вселенской катастрофе, причем астероид уже врезался в Землю и взрывная волна покадилась по планете, сметая всё на своем пути, включая динозавров и прочих пращуров.

Было решено срочно уводить Еву прочь из дома. Но для уводить нужно, чтобы она хотя бы стояла, а она не то что встать, сесть ровно не могла. В итоге Толя сбегал, принес нам всем куртки, парни по одному начали обуваться и выходить в подъезд, а в самом конце вышли Тема и Рентон, самые высокие в компании, пропустив свои руки под куртку пьяненькой Евы и поддерживая её так, будто она сама стоит. Я шла перед ними, заслоняя её от случайного взгляда родителей. Так мы с горем пополам вышли в подъезд, спустились на первый этаж, вышли во двор. От морозного декабрьского воздуха Ева начала немного приходить в себя, опираться уже на свои ноги и даже перебирать ими. Правда, орать, что ей плохо, стала громче. С великим трудом я дотащила её до со-

седнего дома, где она жила, подняла на её этаж, прислонила к двери, позвонила в звонок и быстро сбежала вниз по ступенькам. Что было дальше, я узнала только уже у себя дома от моей мамы.

К своему удивлению я обнаружила, что вся компания меня ждет и что было бы неплохо пойти немного погулять. Мы дошли до соседнего с Евиным дома и зарулили в гости к парню, которого звали Есенин, взяли у него гитару, потом сели в его же подъезде. Микаэль начал играть, а остальные петть про всё идёт по плану и про прогулки по трамвайным рельсам.

Мальчик сидел рядом с Девочкой на ступеньке, слушал, как вибрируют от возмущения струны, как негодуют от раздражающих их прикосновений пальцев, как постукивают фаланги, зажимая на ладах аккорды. Он точно теперь знал, что под исписанной тетрадкой у него лежит, вернее, уже ожило и суетливо копошится сильное беспокойство, похожее на сколопендру с миллионом ног и ядовитыми жвалами. И что оно там растет, растет и очень скоро заполнит всю его комнату, и как он там будет жить вместе с ним, непонятно. Девочка тоже его почувствовала, хотя она думала, что связано оно со всей этой историей, с тем, что им обоим точно достанется от предков. Но это не так. Может, беспокойство оукклится и превратится во что-то ещё, может, уйдет жить в другую комнату, но это потом, и он подумает об этом после, а сейчас он просто очень рад сидеть опять рядом с Девочкой и слушать музыку.

Девочка очень боялась идти домой, Мальчик решил её проводить. Чем ближе они подходили к дому, тем труднее ей давались шаги, пока наконец-то она не остановилась совсем на входе в подъезд. Мальчик убеждал её, что ничего страшного не произошло, что она совершенно не виновата вообще ни в чем, что виноват он один, ведь это он её пригласил, он всё это допустил, он и будет за всё отвечать. Девочке стало смешно от такого героизма, она потрепала его по волосам, сказала, что она, конечно, ценит его альтруизм и готовность прийти на помощь, но он ей самой ещё немножко нужен, так что не стоит спешить и прыгать с разбега в горящий дом. Мальчик взял её за руку, но она не двинулась с места. Что-то не пускало её домой. Как будто её ноги примерзли к полу, всё выше и выше полз цепенящий холод. Она не может сойти с места, Ледяная Дева, что заколдовала Кая, кружит вокруг неё, усмехается, пророчит ей всякие ужасы. Мальчик тянет её и тянет, а она стоит столбом. Тогда Мальчик подхватил её на руки и понес домой. Он держал её на руках в лифте, он вышел с ней на площадку, и поставил он её только тогда, когда на него из открытой двери выпрыгнул огромный беснующийся волк со шматками пены вокруг рта. Тут уже Девочке пришлось преграждать собой путь зверю. Она в один прыжок вскочила ему на спину, ударила наотмашь между глаз, прищипорила острыми пятками, как ретивого коня, и в мгновение загнала назад в пещеру, из которой тот вышел. Дверь захлопнулась. Маль-

чик развернулся и молча пошёл домой, ведь своих чудовищ каждый должен укротить сам. У него самого дома растёт ядовитое членистоногое.

Дома меня ждал абсолютно взбешённый Краш, злая, как чёрт, мама, очень пьяный брат и полная жопа огурцов. Оказалось, что после того, как я оставила Еву, позвонила в звонок и убежала, а Евина мама открыла дверь, Ева как стояла, так и рухнула мордой в пол со своим привычным воплем «МНЕ ПЛОХАААА!». Мама была в таком шоке, ужасе и панике, что первым делом стала выяснять у дочери, что случилось, почему ей плохо и почему от неё несёт перегаром, как от последней бомжихи? Далее была вызвана «Скорая помощь», набраны телефоны всех одноклассников, все опрошены, но никто ничего не знал, а от самой Евы толку никакого нет, она на вопросы не отвечает, просто лежит и мычит. Далее уже моя мама в первый раз удивилась, когда к нам домой примчался Краш с квадратными глазами и фингалом в пол-лица, заявивший, что меня не было сегодня в универе на занятиях и что Евы тоже не было. Мама решила, что Ева-то дома, а меня-то нет и в помине, и схватилась за сердце. Пока Краш отсчитывал моей маме десять капель валерьянки, позвонила мама Толи и очень возмущённым голосом, смешно при этом надувая щёки, стала говорить: «Ну я понимаю, старшие мальчики могли что-то выпить тайком, но Миша, такой хороший ребёнок, но вы представляете, Арина, он же лыка не вяжет! Я захожу в кухню, а он там копается в холо-

дильнике и сметает всё, что может достать!» Моя мама быстро сложила два и два и спросила, была ли я на дне рождения её сына. Да, была. А девочка Ева была? И Ева была. И где все трое сейчас? Да гулять ушли минут тридцать назад.

Всё. Мама сразу успокоилась, набрала Евину маму, сказала, что ничего страшного с её дочерью, кроме алкогольного опьянения, по всей видимости, не случилось, «Скорая» тут совершенно не требуется, а требуется дать девочке проспаться, а утром напоить рассолом и провести воспитательную беседу на тему употребления алкоголя.

Краш психанул из-за того, что я не пойми с кем, не пойми зачем ушла, стоило только ему отвернуться, что он из-за меня бросил универ, подрался с отцом, ушёл из дома, а я шляюсь по подворотням, бухаю и вообще неизвестно что ещё делаю!!!! Он только что не плакал. Мне было обидно до слез, что он мог такое мне сказать, даже не разобравшись толком ни в чём, жалко его, потому что его бордовый затекший глаз красноречиво говорил о не самом простом дне в его жизни, жалко себя, короче, паршиво до крайности. В конце концов он ушёл, хлопнув дверью. Я ответила «ну и вали» и проревела всю ночь. Даже мама не стала устраивать мне холеру из-за пьяного братца и прогулянных занятий, ограничилась комендантским часом на неделю.

Новый год

Комендантский час отменили, меня опять отправили на курсы. Мы неделю не виделись с Крашем. Я мучилась чувством стыда, тосковала по нему и извела Шокера звонками и просьбами передать, что нам надо поговорить. Наконец в первый же день занятий мой парень ждал меня у дверей аудитории, я, конечно же, в очередной раз прогуляла учебу. Мы пошли бродить по вечернему главному корпусу, потом нашли аудиторию, не запертую на ключ, сели вдвоем за парту и долго мирились. Когда наконец все слова были сказаны, он затащил меня к себе на колени. Мы стали целоваться, он гладил меня под рубашкой, поцелуи перешли с губ на шею и ниже. Мы оба возбуждились, ласкали друг друга нежно и всё более страстно. В какой-то момент я поймала себя на мысли, что теперь я знаю, что значит действительно хотеть секса, что ещё немного, и я готова буду пойти с ним до конца. Видимо, парень почувствовал это и в запале страсти тихо сказал глупость, которую почему-то обычно в таких случаях говорят: «Я люблю тебя». И я так же глупо ответила, что люблю его. После этого мы потихоньку успокоились, и, чередуя слова с поцелуями, Краш сказал, что сам никогда ещё ни с кем не спал. Я тут же вспомнила сцену нашего знакомства, мы посмеялись, что, а вот если бы я согласилась, что бы он тогда делал? Он ответил, что спросил бы совета более опытного

друга и что вдвоем бы они справились точно, так что хорошо, что я не согласилась. Мы долго над этим ещё смеялись, но каждый для себя принял решение, которое мы не обсуждали, но внутри обдумывали.

Нужно подходящее место и подходящее время.

И это будет точно не на Новый год. Краш проводил его с семьей в попытке помириться с отцом.

Я понятия не имела, что мне делать на Новый год без него, хотя как только в школе узнали, что я встречаю его без Краша, тут же посыпались предложения в основном от мужской части класса встретить его с ними и некоторыми нашими девчонками дома у Игната. Перспективка так себе. С одной стороны, мне было непонятно, как возможен такой разворот на 180 градусов, что люди, превратившие мою школьную жизнь в ад, вдруг стали такими адекватными. Я, конечно же, не доверяла им ни на секунду, ожидая подножки. С другой стороны, мне с ними было банально скучно. Слушать в Новый год, кто кому что предъявил, кто кого за что избил или поставил на бабки, я совершенно не собиралась.

И уже утром 31-го числа, когда я окончательно приуныла и решила, что шестнадцать лет встречала с родителями, встречу и в семнадцатый раз, позвонил Толя и сказал, что Хуан зовет меня к Теме на Новый год. Что у Темы свободна квартира, что родители им там еды наготовили на неделю и что меня очень ждут.

– А ты сам пойдешь?

– Ну, я загляну ненадолго, но потом уйду. Ты можешь со мной уйти, а можешь и там остаться, короче, как попрёт.

Этот вариант мне нравился гораздо больше. Я долго соображала, что б такое надеть, ведь я не собиралась никуда идти, и никаких специальных новогодних нарядов у меня не было. Решила, что белых джинсов и белой майки, а также мишуры вокруг шеи будет достаточно. В 21:00 за мной забежал Толик, отпросил меня на всякий случай у родителей до утра, сказав, что мы тут в соседнем доме и что если им будет интересно, как там идут дела, они в любой момент могут прислать Мишку с инспекцией. Мы пошли на Новый год.

Двери Теминой квартиры не запирались за ненадобностью. В прихожей на полу были навалены горы курток, такое ощущение, что в квартире было человек сорок, если не больше. Мы бросили куртки в общую кучу и пошли искать знакомые лица. Квартира Темы была как после бомбежки. Мне начинало казаться, что так живёт большая часть людей, когда денег хватает только на еду и вещи первой необходимости, а на ремонт надо долго копить. Наверное, поэтому у некоторых квартиры не ремонтировались ни разу за время существования этого микрорайона, то есть уже лет 30. По крайней мере у Темы на полу лежал всё тот же ядовито-зелёный линолеум, с которым эта квартира сдавалась первым жильцам, на стенах явно выделялось три слоя грязных и выцветших бумажных обоев: в мелкий цветочек, под ним какие-то горчичные, а ещё ниже, в наиболее глубоких ды-

рах, грязно-серые. Ванная комната была покрашена голубой краской, причем, похоже, тот, кто её красил, решил не мелочиться и покрыть ею и плитку на полу, и стены, и потолок, и саму ванну изнутри и снаружи. Туалет был копией ванной комнаты. Мебель тоже была вся старая и страшная, ещё советской эпохи: типовая стенка, стол на длинных черных ногах на кухне, а в зале раскрытый стол-книжка, вокруг которого стояли табуретки, стулья, кресла – в общем всё, на чем можно было сидеть. Вдоль длинной стороны стола устроили лавку: поставили две табуретки, а между ними положили какую-то доску, которая с грохотом падала, стоило сесть на неё с краю в одиночку. За вечер с неё упадут по разу все, обогащая русский язык такими выражениями, что скисало даже молоко в холодильнике.

Ещё везде были понатыканы подвесные круглые кронштейны для горшков с цветами, чтобы хоть как-то оживить обстановку. Сейчас на них висели шарики, которые все до одного к концу вечеринки перебились, и мишура.

А ещё была ёлка. Старая советская пластиковая Ёлка. Всё, что хотелось о ней сказать, так это: «Ты пьяна, иди пропись». Метра полтора высотой и состоящая из пластмассовых палочек, покрытых коротенькими литыми иголочками, намертво цепляющими к себе всё, что прикасается, включая мишуру, волосы, рукава свитеров и кошек, на свою беду оказавшихся поблизости.

Народу действительно было полно, некоторые парни ради

праздника были в костюмах и при галстукe, что очень контрастировало с внешним видом девушек: создавалось ощущение, что у них был один комплект нормальной одежды, который пришлось поделить на всех, и каждой досталось едва прикрыться. Казалось, что ты попал на корпоратив банковских служащих в дешёвом борделе. И вот, как в анекдоте, захожу я, вся в белом. За это эффектное появление мне дадут мою первую и единственную в жизни кличку.

– АААААА! Снегурочка! Хуан, Хуан, мать твою, иди, зацени! – орал Злой на весь дом. – У нас настоящий праздник! «Мы вместе шли с Камчатки, ну а я ушла на блядки, славный праздник, это вот, здравствуй, жопа, новый гооод!!!» – выл он, не попадая в ноты.

– Че ты орешь, долбагреб?! А! О! И правда Снегурочка! Привет-привет! А Дед Мороз будет? Дети, давайте позовем все вместе! ДЕ-ДУ-ШКА МО-РОЗ!

Мне захотелось сначала провалиться сквозь пол, потом сбежать. В конце концов я спряталась от всех в укромное креслице в углу комнаты у ёлки, куда ту зачихали, устав её ронять. Рентон, увидев моё место дислокации, сказал, что я точно Снегурочка, спросил, не нужно ли мне чего, и пристроился напротив так, чтобы с одной стороны доставать меня, а с другой – еду со стола.

Началась обычная тусня, кто-то накрывал на стол, кто-то мучил магнитофон, кто-то травил байки. Злой постоянно к кому-то лез, орал и балагурил. Тема, хозяин квартиры,

командовал процессом сервировки, тоже бегал туда-сюда из зала на кухню и обратно и временами поругивался на парней, чтобы под ногами не путались. Накрыли и правда полный стол еды, салатов, горячего, бутербродов и прочих закусок. Родители Темы знали, что без алкоголя не обойдётся, и заранее позаботились, чтобы детки не пили самопал какой, непонятно где купленный. Под бой курантов торжественно открыли шампанское, разбили пробкой люстру, залили всю скатерть и прожгли её бенгальскими огнями. Потом кто-то вынес огромный домашний торт на подносе, а Злой достал откуда-то такой же огромный тесак и покрошил им торт так, что тот превратился в кашу. Поскольку Толик слинял сразу, как только доставил меня в квартиру, а остальных я видела второй раз в жизни, то большую часть времени наблюдала за происходящим, пока Рентон приставал ко мне с расспросами. Ему было интересно всё: кто мои родители и чем занимаются, где я учусь, куда потом планирую поступать, какого цвета у меня тапочки, какие книги я читаю, какую музыку я слушаю. Потом он ушёл, но быстро вернулся с Есениным, Микаэлем и с гитарой. Те по очереди играли и пели, прерываясь только на то, чтобы выпить очередную стопку, поджечь очередную сигарету или ложкой загрести торта, который переложили в таз. Потом пришел Хуан и сказал, что слишком много лишних людей в квартире и пора их сбрасывать с хвоста. Был объявлен всеобщий подъём и пущен слух, что все собираются ехать на дискотеку в студгородок, каждый доби-

рается сам. Я стала собираться домой, поскольку денег у меня с собой не было, дискотеки я не любила, короче, пора и честь знать. Но тут Хуан сказал украдкой, чтобы я ждала их на улице и никуда не уходила. Все вывалились из подъезда и кучей выдвинулись в сторону остановки. Там народ останавливал частников, грузился по машинам и отбивал в сторону студенческого арт-паба, толерантного к пьяной публике. Когда все лишние уехали, осталась кучка человек семь-восемь, в основном те, кто был на дне рождения у Толика, и ещё пара девушек. Мы развернулись и пошли назад.

Дома первым делом убрали стол, поставили в круг самые удобные кресла и стулья, уселись и опять взялись за гитары. Тут Микаэль спросил, а не накуриться ли нам, дабы не провести весь последующий год безрадостно? Его предложение поддержали с большим энтузиазмом, Злой сказал: «Ну наконец-то!» – и все дружно посмотрели на Хуана.

– Ну что, Дон ты или не Дон? – поинтересовался Есенин, худющий голубоглазый кучерявый блондин, не расстающийся с гитарой.

– Дон, конечно! Оп-ля! Чистая магия! – ответил тот своим кошачьим голосом и достал из рукава рубашки несколько уже забитых косяков. Их раскурили, пустили по кругу, первые затяжки все делали сами, по комнате разнесся характерный сладко-прелый запах травы. Во втором круге уже пошли дуть паровозы: два человека вставали один напротив другого, первый брал косяк горящим концом в рот, второй

пристраивался с другого конца, первый вдыхал через нос и выдыхал через рот густую струйку серого дыма, а напарник вдыхал её. Такой вот вдох на двоих. Рентон вообще приобнял при этом Хуана за талию, взял косяк в руку, затянулся сам, а потом прижался ещё плотнее и выдохнул дым ему в приоткрытый рот. У них получился практически поцелуй, только посредством дыма. Микаэль лукаво подмигнул мне и подтвердил мою догадку, шепнув, что с кем попало так не курят. Потом добавил, что эти двое делили не тока гандж, но и девушку одну на двоих.

Рентон подошел и предложил задуть паровоз мне. Я немного опешила, сказала, что вообще-то я не накуриваюсь, а он спросил почему и тут же сам ответил:

– Ты не накуриваешься, потому что хорошая девочка. Не переживай, хуже ты не станешь от этого. Только немного веселее. Тем более что с первого раза ты ничего вообще не почувствуешь. Чтобы начало торкать, нужно сначала пробиться, нужно, чтобы каннабиноиды в достаточном количестве накопились у тебя в мозгу, и только тогда начнет переть, – объяснил он. Тут Микаэль скривил рот и сказал, что – какого хрена ты её уговариваешь, это будет просто пустая трата травы, нафиг она нам сдалась? Его поддержал Злой и, выхватив у Рентона косяк, затянулся полной грудью. Как только он выпустил изо рта дым, у него из носа ливанула кровь прямо на белую рубашку. Он выругался, зажал нос и убежал в ванную, сунув косяк Микаэлю.

– Вот, великий Джа покарал этого жадного до ганджи говноеда. Микаэль, будешь зажимать кайф, он проклянёт и тебя! – нравоучительно выдал Хуан.

– И будешь ты унылый и злой, как Злой, до скончания века! – закончил Рентон.

– Чур вас, чур! – замахал на них Микаэль, затягиваясь посильнее и закашливаясь от избытка дыма.

Хуан многозначительно поднял палец, погрозил им Мике, потом повернулся ко мне и спросил:

– Ну так ты с нами или как?

Я кивнула. Рентон взял у Микаэля косяк, присел на корточки напротив меня, сказал втягивать полные лёгкие, потом задержать дыхание на сколько смогу и только потом выдыхать. Потом сделал вдох и выдохнул мне в рот.

Ничего, кроме саднящего горла и чувства приобщения к тайному, я в тот вечер не почувствовала.

Потом народ начал разбредаться по комнатам, гитара звучала всё тише, разговоры велись всё плавнее, народ начал потихоньку срубаться, диваны, кровати, кресла, даже ванная заполнились спящими телами. Было уже в районе пяти утра. Хуан с Рентоном проводили меня до дома, я поднялась, тихо открыла дверь, бесшумно разделась, легла в кровать и забылась счастливым молодецким сном.

Не тот

Краш пришел в гости после праздников вечером уставший, поникший, злой и заявил прямо с порога:

– Пошли в твою комнату, поговорим, – лицо у него было настолько мрачное, что мне стало очень не по себе, и я начала гадать, что же такое могло случиться?

Мы сели на диван друг напротив друга.

– Мой папаша сегодня за руку отвел меня в военкомат. Сказал, что раз я не учусь, то пойду служить, нехер дома бездельничать. Даже, сука, не стал ждать, когда меня из универа отчислят. Какой тварью надо быть, чтобы вот так поступить? – он сглотнул, давя в себе обиду, и продолжил: – Так что я уйду в армию весенним призывом. Мне даже дату уже сказали, 21 мая.

– Подожди, там же всякие медкомиссии должны быть, разве нет?

– Ну, кому-то, может, и должны быть, а я доброволец, я вне очереди и без комиссии годен, – он ещё раз тихо выругался.

Я попыталась обнять его, утешить, но он перехватил мои руки, отстранил их и как-то холодно и зло посмотрел на меня.

– А я в чём виновата?

– Сегодня меня у подъезда ждали мои бывшие однокласс-

ники. Их там было человек пять. Знаешь, что они мне ска-
зали?

– ?..

– Если ты ещё раз к нашей Снегурочке близко подойдёшь,
мы тебя убьём. Я им, типа, ещё со школы должен.

– К какой Снегурочке? Это кто?

– Догадайся с трех раз!!! – Краш вскочил с дивана. – Ты
это! Они тебя окрестили уже! Ты не просто девчонка ка-
кая-то, ты уже их!!!

– Да чья их-то?!

– Да пидоров этих!!! Рентона, Хуана, Микаэля, Злого,
мать их, и остальных!!! Почему, ну почему из всего трех-
миллионного города ты выбрала именно этих уродов?! Лад-
но, хрен со мной, они имеют полное право меня ненавидеть
за папашу моего распрекрасного, но ты разве не знаешь, что
они – это самое днище! Они все нарки конченные, отмороз-
ки!!!

– Ну, закурились раз, это ещё не нарки.

– Ты издеваешься?! Они все давно и плотно на игле сидят,
гепатитом болеют, а может, уже и вичовые все!!!! Я уйду в
армию, они и тебя подсадят!!! Ты понимаешь?! А я там буду
говно кирзачами месить два года и ничего вообще сделать
не смогу!!! – он отвернулся, уткнулся в спинку дивана и что
есть силы ударил её кулаком.

Я помолчала, собираясь с мыслями.

– Знаешь, я вообще без понятия, с чего это они решили,

что я прям им лепшая подруга. Я два раза была в их компании всего-то и попала туда совершенно случайно. Я не собираюсь перед тобой тут оправдываться. И меня больше всего бесит тот факт, что они возомнили себе, что могут указывать, с кем мне встречаться, с кем дружить и что делать!!! Да пошли они!!!

Я обняла его за плечи, поцеловала в шею.

– Я хочу с тобой быть. Я даже выбирать не собираюсь, тут нечего выбирать.

Он повернулся ко мне, обнял. Положил мне голову на плечо и заплакал.

Потом вытер слезы тыльной стороной ладони и сказал, что у нас осталось очень мало времени и что он не успел ещё начать толком, а уже просрал свою жизнь. Что надо было учиться в этом сраном универе, а не распиздяйничать, ну, да дело сделано уже, поздняк метаться.

На следующий день я отловила Толика после колледжа, высказала ему всё, что я думаю про него, ведь я точно знаю, кто растрепал про нас с Крашем. Попросила его передать друзьям своим, чтобы шли они в пешее эротическое путешествие по особо интимным и малодоступным местам. Что я сама решаю, с кем мне встречаться, дружить и время проводить. И что если это им не нравится, то это их сугубо личные проблемы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.